

Собеседник. — 1997. — № 26. — С. 10-11

Быт президента русского ПЕН-клуба прост и незатейлив: овсянка на плите, кофе на столе, самокрутка во рту... Много ли настоящему художнику нужно?

— Еще нужно отказаться от разных глупых привычек вроде сидения перед телевизором. Поздравьте: уже полгода, как я с этим делом завязал.

— **Говорите, Андрей Георгиевич, словно о победе. Вам так трудно это далось?**

— Наверное, по доброй воле я никогда не избавился бы от телевизивисимости, но недавно я пять месяцев кряду провел в Америке, потом — без паузы — съездил в Германию — там не до телесансов было. Вернулся в Москву и — как отрезало. Стоит телевизор в комнате, пылится, а мне до него дела нет. И куча свободное время появилось. Мне очень понравилось это новое интеллигентнейшее состояние, я даже подумываю: что бы еще бросить? Может, попробовать не курить?

— **Или — не пить?**

— В моей жизни случалось, что я не пил по полгода. Доходил до предела и говорил себе: «Хватит». Ничего нельзя делать по принуждению. Никакого искусственного вмешательства, никаких подкожных «торпед». Это для меня табу. Не дай Бог! Такого рода насилие неизбежно влияет на личность.

Решил бросить пить — бросил. Решил начать — начал. Все добровольно. Тем более что в разумных пределах алкоголь необходим, полезен для здоровья. Главное — не попасть в зависимость, не увлечься... Как говорит Жванецкий, пить надо часто, но в малых дозах. Правда, я этому совету следовал не всегда, и редко пользуюсь чужими рекомендациями...

— **Кажется, ваш стиль — свое суждение иметь и ходить со всеми не в ногу.**

— Это жизнь идет со мной не в ногу. Хотя, случается, я попадаю в шаг. Но и это происходит само собой. Настоящий авангард никогда не должен ничего делать специально.

...Что-то разговор у нас пошел куда-то вбок. А все из-за того, что я решил поделиться чистым опытом бросания телепривязанностей. Наверное, может показаться, будто я против всего телевидения? Но это не так, выражаясь по-современному: отнюдь.

— **Еще сейчас говорят: однозначно.**

— Как же, как же... Все наши новомодные словечки особенно заметны, когда заново окунаешься в родную среду и слышишь русскую речь после перерыва.

— **А вы из зарубежья приехали в Россию на побывку?**

— На бис повторяю: отнюдь! Живу я здесь, а туда — езжу. В любом путешествии самое главное, откуда ты приезжаешь.

— **Не куда, а откуда?**

— Именно. Я ведь не с Запада в Россию качу, а наоборот.

Кстати, могу признаться вам в одном из своих комплексов. Если мои оппоненты не знают, как побольше меня укусить, всегда говорят, что я променял родной Питер на Москву. Меня это страшно злит. Формально все правильно: у меня московская прописка, но я был и остаюсь ленинградцем! Так и в случае с зарубежными вояжами. Туда я езжу исключительно для того, чтобы зарабатывать на хлеб насущный. Здесь у меня почему-то это не получается. Литература не кормит, заниматься чем-то еще не тянет. Если я сумел сохранить определенную меру независимости при том режиме, почему нужно терять ее сейчас?

В этом смысле Америка подвернулась очень кстати. Я тяжело переболел, перенес операцию — в итоге возникла некоторая экономическая пауза и денежный ручеек, питающий меня, иссяк. Тогда я и высказал вслух внезапно посетившую мысль: «Хоть бы кто-нибудь позвал лекции почитать». И буквально в тот же момент в моей квартире раздался звонок: «С вами говорят из Нью-Йоркского университета». Я молчу, ситуация кажется неправдоподобной, словно в дурной театральной постановке. На том конце провода продолжают: «Мы хотим пригласить вас с курсом лекций». Я окончательно немею, а невидимый собеседник, по-своему трактуя мое молчание, торопливо произносит: «И деньги хорошие заплатим». Тут уже дар речи ко мне возвращается, и я лениво тяну: «Если только хорошие...» Все решилось за пять минут. Такая история... После Нью-Йорка меня позвали профессором в Принстон.

— **Еще поедете?**

— Не знаю. Предложения есть, а уверенности нет. Там видно будет. Деньги, конечно, приличные, но никогда не надо верхом садиться на судьбу.

— **Вы свободно говорите по-английски?**

— Меня хорошо учили языку. Я же занимался в особенной школе.

— **Что же в ней было такого особенного?**

— Это была первая в Союзе английская спецшкола. Ее организовали в Ленинграде в 1948 году. Тогда, в конце сороковых, она однозвучно...

— **Ага, все-таки «однозначно»!**

— Да-да, поймали, ваша взяла... Так вот: наша школа однозначно рассматривалась как кузница будущих шпионов.

— **И вы себя в разведчики готовили?**

— Нет, конечно. Но моя старорежимная мама помнила, что языки знать нужно, вот и привела в эту школу. Я шел туда с большой неохотой, боялся, что попаду в категорию гогочек. Гогочками называли сынков сытых, богатых родителей. Представьте себе пухлого, круглого мальчика, вылезающего из папиного лимузина... Тьфу, презрения достойная картина! Словом, я был преисполнен социального протеста, и мне не улыбалась перспектива попасть в одну компанию с этими отвержен-

ными. Но в действительности школа оказалась очень хорошей. В те годы началась очередная антисемитская кампания, из питерских вузов по пятому пункту уводили массу преподавателей-евреев, и многие из них пришли в нашу школу, где платили зарплату на двадцать пять процентов больше, чем в обычной школе.

— **А шпионы из ваших соучеников все-таки получились?**

— По-моему, только два или три. Те, кто этого захотел. Зато все остальные отлично учили английский.

— **Но тогда вы вряд ли предполагали, что это пригодится вам через сорок лет?**

— Я всегда руководствовался убеждением, что все в жизни не зря. Например, факт своего рождения я частично объясняю... принятием

речь от бомб и пуль нас с братом. Кстати, случайно сохранилось письмо мамы к отцу, эвакуированному с предприятием на Большую землю. Мама пишет: «Странные люди — эти дети, никакие ужасы и беды их, к счастью, не касаются. Один мечтает стать летчиком, а второй — писателем». Это письмо обнаружилось сравнительно недавно, и я поразился: оказывается, пятилетним пацаном в блокадном Ленинграде я мечтал о писательстве. Откуда это? Думал, что о литературном поприще я не задумывался лет до двадцати... Нет, ничего в жизни не бывает зря.

— **И горный институт тоже вам даром не прошел?**

— О чем разговор? В горный я пошел из-за альпинизма. Мечтал лазить по горам, в 52—53-м годах уже сидел в альплагерях. Горный орел!

— **Это вы о себе?**

— Ну да! А еще мне очень нравилась форма, которая была у студентов этого института. Синие курточки с бронзовыми эмблемами на пле-

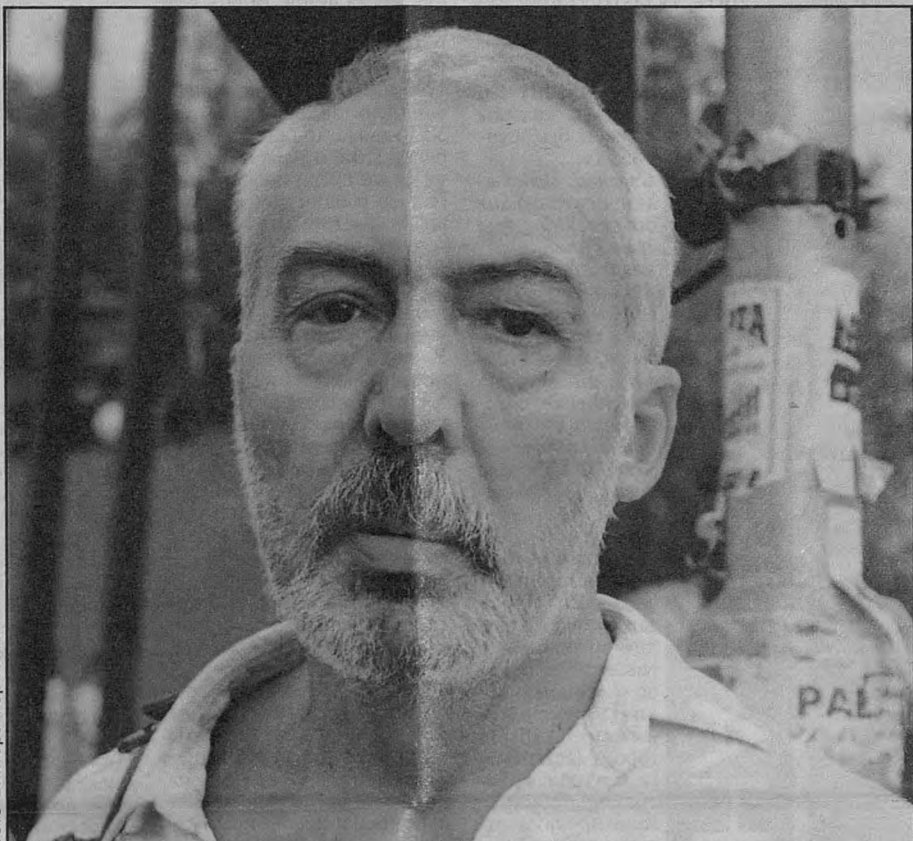

фото Виктора Горячева

БЫЛ ОН ПЕРЕСТАЛ СМОТРЕТЬСЯ В ЗЕРКАЛО

в 1936 году закона о запрещении аборт. Знаете, какая формулировка была предложена в законе? «Запретить аборт в связи с растущим благосостоянием трудящихся».

Тогда в СССР резко повысилась рождаемость, в результате в 97-м году мы имеем целую полосу писательских юбилеев. 13 марта исполнилось 60 лет Владимиру Маяковскому, 15 марта — Валентину Распутину, 10 апреля — Белле Ахмадулиной, 27 мая шестьдесят стукнуло мне, еще через пять дней — Юнне Мориц, в августе — юбилей Александра Вампилова, в декабре — Сергея Аверинцева. Замыкает этот ряд Владимир Высоцкий, он родился в январе 38-го, но по восточному календарю он тоже Красный Бык... Видите, целое стало красноречивым бычком набирается.

— **Спасибо товарищу Сталину за ваше счастливое детство.**

— Да, все мы подабортники... Мои родители тогда долго думали, заводить ли им второго ребенка. Но это не упрек маме с папой, Боже упаси!.. А детство у меня было счастливое, ничего не скажешь. Первое мое воспоминание — это бомбежка. 42-й год, фашисты бомбят Питер... — **Страшно было?**

— Нет, интересно. Если кто и боялся, так это мама. Ей нужно было как-то накормить, убе-

чах... Правда, к моменту моего поступления в горный форму отменили, поэтому оставалось с завистью смотреть на старшекурсников.

...Видите, как получается: все, что я вам говорю, сплетается в некий узор — казалось бы, прожил независимую жизнь, а на деле был исторически предопределенным существом вроде кролика. Правда, понимаешь это в конце пути.

— **Когда-то вы сказали, что мечтали вечно писать одну книгу: закончился роман — закончилась жизнь...**

— Так оно и вышло. Я недавно завершил издание собрания своих сочинений под названием «Империя в четырех измерениях». Она, «Империя», и начинается со слов, которые вы процитировали. Я написал их в 1960 году. Придумал для красного словца, а оказалось: вывел формулу собственной жизни. Такое случается: начинаешь врать, а потом выясняется, что говоришь чистую правду. Я даже сформулировал абсолютный закон. (Кстати, мною открыто несколько математических законов — этот из их числа.) Так вот, я доказал, что больше пятидесяти процентов лжи человек сказать не способен. По-моему, это совпадает с законами эстетики, по которым людям не дано придумать формулу никогда не существовавшего...

Круг замкнулся. В конце жизни я пришел к «Империи» — ее замысел вырос из трилогии «Петербург», «Москва», «Провинция», начатой в 1961 году. Тогда я, конечно, даже не подозревал, что такая же трилогия уже есть у Андрея Белого. Свои «Москву» и «Провинцию» я так и не закончил, а вместо «Петербурга» появился «Пушкинский дом».

— **Появился, но долго не был издан?**

— В СССР — да, хотя в Америке книгу опубликовали быстро. На родине «Пушкинский дом» вышел отдельным изданием действительно только спустя 25 лет — в 64-м я начал работу над романом, а в 89-м дождался публикации. Тогда, помню, я даже шутил: «Четвертак — замена расстрела». С другой стороны, я не форсировал издание в Союзе. Я и писал роман врястяженку — лет семь. Конечно, есть такое понятие, как «своевременность». Хотя меня не беспокоила злоба дня, эта книга почему-то не устарела, пережив три эпохи — самиздат, тамиздат и здесь-издат. Сей факт я рассматриваю как своеобразную награду, что-то типа медали «За отвагу».

— **А реальные награды были?**

— Как же! Я получил советский орден. В 87-м году Горбачев отметил мое пятидесятилетие «веселыми ребятами».

— **Что в переводе на казенно-официальный означает орден «Знак Почета»?**

— Конечно! Я мог получить или Госпремию, или орден. Премию отдали Приставкину с его «Тучкой», а мне достались «ребята». Я к ним хорошо, тепло отношусь — это один из немногих советских орден, сохранивших старый, изначальный дизайн.

...У меня даже есть фотография с этого награждения: я запечатлен в Кремле рядом с начальником советской таможни. Компромат.

— **На кого?**

— Разумеется, на меня. Сейчас ведь очень распространен постдиссидентский подход, обязывающий отчитываться, замарался ли ты связью с властью. До 85-го года я был чист, а потом не удержался, получил советский орден...

— **Да и президентом русского ПЕН-клуба вы по странному совпадению стали в дни августовского путча в 91-м...**

— Так вышло. Меня выбрал народ. Если, конечно, моих коллег-писателей можно назвать народом... С того момента и тянется — уже третий срок президентствую. Честно скажу, я на этот пост не стремился, он сам передо мной образовался. Очевидно, вакуум должен быть чем-то заполнен: я слишком долго существовал вне общественной жизни и теперь за это расплачиваюсь. Конечно, любой опыт полезен, но теперь мне стало труднее ругать начальство, хотя я по-прежнему его не люблю.

— **Какое-то конкретное начальство или весь класс властителей?**

— Без разбору... К слову, я никогда и не встречался с правителями. Если бы я специально избегал этих контактов, то был бы фразером, а так констатирую факт: общение с вождями не сложилось. Права жизни: то, что само получается, потом становится чертой. Например, в июне прошлого года я впервые участвовал в выборах. Раньше как-то не получалось, а тут вдруг пошел и даже сумел одним махом оскорбить значительное количество сограждан.

— **Это как же?**

— После голосования я попал на роскошную демократическую тусовку и, конечно, выпил там как следует. В этот момент ко мне подходят с телекамерой... На мой взгляд, это не слишком профессионально — снимать человека в подпитии... Словом, у меня спросили, что я думаю о тех, кто не голосовал. А что тут думать? «Козлы!» Разумеется, этот мой ответ моментально стал с радостью крутить по телевидению. Мне казалось, что телевизор уже давно никто не смотрит, но это заявление почему-то все увидели.

Правда, во втором туре голосования сказанное вернулось ко мне бумерангом: я уехал в Крым, а открепительный талон, как ни старался, получить не смог.

— **Значит, вы вместе с народом.**

— Нет, я и без талона проголосовал в воинской части, в которой служили россияне.

— **Поздравляю: вы не «козел».**

— Я пытался им не стать...

Мы с вами шутим, а тема-то серьезная. Ассоциальность позволяет постоянно быть в оппозиции, но мне не хочется сейчас критиковать власть. Конечно, нынешнее временничество отвратительно, однако в нашей стране так уж заведено: что-то всегда делается не само по себе, а за счет чего-то. Это не знаменитое «Противопоставляй и властвуй!», а ментальная черта — желание одних поверять другим. Мы никогда не доверяем существующей власти: либо тоскуем об ушедшей, либо презируем о будущей...

Хотя я всегда жил как бы вне закона, мне хватало десяти заповедей. Вечно им строго следовать невозможно, но сегодня я никого из правителей ругать, называть по именам не буду. За экономией силы я предпочитаю удерживать то, что хорошо, а не ниспровергать то, что плохо. Впрочем, я и хвалить нынче никого не стану.

— **Как-то вы высказали мысль, что поездки по миру помогли вам понять: Россия и весь остальной мир существуют в разных эпохах. Мол, где-то уже наступило следующее тысячелетие, а мы по-прежнему доживаем семнадцатый век...**

— Это правда. Я пришел к этому в результате анализа понятий «патриотизм» и «ностальгия» — в природном, а не в политическом смысле слов. Почему русские, даже преуспевающие на Западе или Востоке, так тоскуют по отчужденному? Дело не в березках, которые

можно найти и в Канаде, и в Польше, и где угодно. Наши пейзажи полны по миру. В чем же дело? Родившимся в России уютно будет везде — они попадают в иную эпоху. Цивилизованный мир обогнал нас. Конечно, можно утешиться тем, что, к примеру, кое-где в Средней Азии еще и пятнадцатое столетие не наступило... Разбросанность стран во времени определяется не наличием или отсутствием современных автомобилей и не количеством персональных компьютеров на душу населения. Я называю это историческим возрастом, который прожигается не индивидуально, а с группой людей, именуемой твоим народом. Уверен, что наши взаимоотношения с пространством влияют на перемещение во времени. Я даже составил хронологическую таблицу, по которой можно вычислить, в каком веке находится та или иная страна. Можете себе это представить?

— **С трудом. Андрей Георгиевич, а у вас и ваших детей одна эпоха?**

— Нет. Конечно, мы любим друг друга, но... Понимаете, человек не живет в одном времени, он даже в одном возрасте не живет. Скажем, мне шестьдесят, но я-то этого не чувствую! Еду в метро и заглядываюсь на красивых девушек. Потом ловлю себя на мысли: кого они видят перед собой? Боже, старика! А я, когда у меня ничего не болит и не отказывается, воспринимаю себя сорокалетним. В каждом из нас как бы два возраста — фактический и тот, в котором ты себя ощущаешь.

Есть внутренняя автобиография, мною пока не написанная. В нее я мысленно заново настраиваю события жизни. Там такие глупости встречаются! Помню, однажды я ехал в общем вагоне битком забитого пассажирского поезда. Пьяный парень стал на моих глазах грубо приставать к девушке, и я его окоротил. Молодец предложил выйти в тамбур и потолковать. А в вагоне темно, ничего не видно. Честно скажу: перебрел я чудовищем, кто знает, что у этого пьяного придурка на уме — нож вынет, голову проломит, да и вообще я драться не умею... Но отступать поздно — трушу, однако иду. Выхожу в тамбур, а там лампочка горит. Парень взглянул на меня, ступешался и вдруг говорит: «Ой, отец, прости!» Никогда не забуду то состояние: с одной стороны, облегчение, что в живых остался и честь не уронил, а с другой — ужас. Это что же такое, значит, со мной уже и подражаться нельзя? Мне ведь тогда и сорока не было...

Эти осадки выпадают, но не рассасываются. Может, поэтому и в зеркало я давно уже перестал смотреться.

— **Бреетесь на ошупь?**

— Недавно я задался этим же вопросом. Оказывается, я в зеркало смотрю, но себя в нем не вижу — выполняю необходимый ритуал, совершаю движения бритвой...

— **Есть много способов забыть о возрасте.**

— Лучше о нем совсем не думать. Мне помогает работа. Не только литература, но и всякие другие занятия, безумные проекты.

— **Слышал, вы хотели с Резо Габриадзе поставить в Михайловском памятник зайцу, который якобы перебежал Пушкину дорогу и это якобы остановило Александра Сергеевича от поездки в Питер. Якобы поэтому он и не оказался на Сенатской площади с декабристами.**

— Конечно, поэтому, безо всяких якобы! Памятник зайцу мы обязательно поставим. Здесь будет зайц заложен...

Фраза о том, что в России писатель должен жить долго, вещая. Эта идея с зайцем пришла мне в голову тридцать лет назад. Тогда это было невозможно, а сегодня — пожалуйста. Стоило дожить... Я всегда протестовал против празднования пушкинского дня рождения 6 июня. Александр Сергеевич полагал себя родившимся 26 мая. И именно в этот день, 26 мая, мы теперь вручаем Пушкинскую премию. Я счастлив: дождался.

Понимаете, всему приходит срок. Или же наоборот — еще не пора. Но твоя задача — приблизить желанный миг.

— **И зачий миг настал?**

— Выходит, так. К слову, в Михайловское я долго ехать не хотел. Зарок себе давал — слишком уж велика святыня. Боюсь я ездить в эти... как называется?... пенаты. В Михайловское Резо, правда, вытаскивал. А на Мойке у Пушкина я так и не был. Не могу перейти эту границу.

Это хорошо, что некоторые вещи табуированы в человеческом сознании. То же представление о возрасте из числа табу. Я написал об этом роман «Улетающий Монахов», но сказать, что все понял... Так и остается: старшие не разумеют младших, а младшие — старших. Или еще одно табу. Казалось бы, чего проще: делить людей не на расы и нации, а согласно таблице... морд. Ведь тупые рожи одинаково тупы и у белых, и у черных, и у желтых. Составить бы сводный реестр, по которому сразу можно было бы определять, кому в небо смотреть, а кому будку сторожить. Вещь очень простая, но делать ее нельзя: неизвестно, к какому злу эта классификация может привести.

По-видимому, то, что человеческий мозг задействован всего на 5—10 процентов, и объясняется многими табу.

— **Празднование собственного юбилея, надеюсь, к табу не относится?**

— В этот день я был дома, в Питере. 28 мая годовщина смерти отца — так уж совпало, и я с похмелья пошел на могилку... Чем больше тебе натикало, тем яснее понимаешь, что юбилей — не повод для веселья. Лучший вариант — совсем замочать эту дату, забыть о ней. Только не удастся...

Андрей ВАНДЕНКО.